

Глава 1

ПОТЕРПЕВШИЕ

В четверг телефон, смиренно молчавший весь день, проснулся ровно в четыре часа дня. Я неприязненно посмотрел на него. В кабинете заместителя начальника городского уголовного розыска телефон может звонить с одной-единственной целью — сообщить какую-то неприятную новость. У меня порой закрадывается ощущение, что в мой телефонный аппарат вставлен специальный приборчик, который отсекает всю позитивную информацию. Позвонит приятель в конце недели с предложением попить пива — телефон ему в ответ даст длинные гудки, наберет мой номер дежурный по управлению — линия всегда свободна.

Зловредный аппарат на столе разразился новой, уже более настойчивой трелью. Надо отвечать.

Год назад министр внутренних дел СССР издал специальный приказ — как сотрудник милиции обязан представляться при ведении телефонных переговоров. По мнению министра, я, подняв трубку, должен вежливо и культурно сообщить неизвестному собеседнику: «Капитан милиции Лаптев Андрей Николаевич слушает!»

Ага, разбежался! Пускай министр сам так по телефону отвечает. Я буду более скромн.

— Да! — раздраженно бросил я в микрофон.

Позвонивший мне человек, кто бы он ни был, с первых же слов должен понять, что своим звонком он отрубает меня от важных государственных дел. Любой начальник так поступает, иначе тебе будут звонить все подряд.

— Что ты дакаешь, мать его, приказ министра не читал? — прорычала телефонная трубка голосом моего начальника Малышева. — Собирайся и давай на выезд. У нас три трупа на улице Герцена.

Я вернул аппарат на место. Мой сосед по кабинету Далайханов Айдар осторожно, чтобы не накаркать неприятности, спросил:

— У нас ЧП?

— Три трупа на улице Герцена. Собирайся, съездим, посмотрим, что к чему. Если это бытовуха, то вернемся назад, а вот если началась новая война...

— Быстро что-то для новой войны. Трех месяцев не прошло с разгрома «Борцов». Кто бы новую войну начинал? В городе нет реальной силы, чтобы противостоять Лучику¹.

— Лучик с прошлой пятницы лежит в коме. К нему даже «Скорую помощь» вызывать перестали. Никто из воров уже не верит, что он сможет прийти в себя.

— Свежо предание, да верится с трудом! Его уже полгода хоронят, а он все никак помереть не может. Андрей, почему они своего вожака в больницу не положат? В тубдиспансере уход, медсестры, аппаратура для реанимации, а он все дома лежит.

¹ Данное произведение является продолжением книги Г. Сорокина «Письмо ни от кого».

— Вор в законе должен умереть среди друзей, а не в больничной палате. Ты собрался? Поехали.

Погода на улице была отвратительная. С самого начала месяца стояли холода, а на День Победы вовсе повалил снег. Похоже, в Небесной канцелярии перепутали времена года и вместо майского тепла впустили в Сибирь арктический холод.

— Весна в этом году какая-то учебная, все никак начаться не может, — проворчал Айдар. — Уже середина мая, а ни одного теплого дня не было. Андрей, как бывший сельский житель, скажи, картошку высаживают по числам или по погоде?

Ответить я не успел. Хлопнув дверью, на крыльцо вышел дежурный эксперт-криминалист.

— Меня ждете? — нарочито бодрым голосом спросил он. — Я готов. Что обсуждали? Погоду или убийства? В эти выходные я в деревню к родственникам ездил, там все в телогрейках ходят, как в марте месяце. На Первомайские праздники теща думала грядки вскопать, да куда там! Земля все еще промерзшая стоит.

Дребезжа изношенными внутренностями, к нам подъехал автомобиль дежурной части.

— На улицу Герцена, — сказал я, усаживаясь на переднее сиденье «уазика».

— Маршрут знаю, — недовольным тоном ответил водитель.

— Все-то ты знаешь, — взъелся я на ровном месте, — все-то вопросы вы уже в гараже обсудили! Чего ни коснись, у вас уже на все готов ответ. Скажи нам, Герцен кто такой был?

— Друг Ленина, — не задумываясь, ответил шофер. — Мы в школе про него изучали. Герцен ударил

в колокол и разбудил Ленина. Потом они вместе революцию сделали, но рассорились, и Герцен уехал в Лондон.

Опровергать оригинальную версию водителя никто не стал, и до самого места происшествия мы ехали молча.

Улица Герцена располагалась в Машиностроительном районе. В начале семидесятых годов микрорайоны в этой части города считались благоустроенными и благополучными. Построены они были по одному типовому проекту: по краям микрорайона жилые панельные пятиэтажные дома, в центре — школа с прилегающим к ней стадионом. Детские сады располагались вокруг школы. Продовольственные и промтоварные магазины занимали первые этажи пятиэтажек. Отдельных зданий для предприятий торговли не строили. В целом все микрорайоны в Машиностроительном районе были похожи друг на друга как близнецы-братья, но каждый имел какую-то свою «изюминку»: большой гаражный массив, кинотеатр, поликлинику или детский городок.

С началом перестройки Машиностроительный район стал приходить в упадок. Оборонные заводы, на которых работала большая часть жителей района, перестали получать гарантированный госзаказ на производство вооружения, уровень зарплаты рабочих пополз вниз, о премиях за перевыполнение плана пришлось забыть. Модное словечко «конверсия» приводило заводчан в ярость: «На кой черт такая конверсия нужна, если на зарплату новые штаны купить невозможно?» Все чаще и чаще в заводских курилках вспыхивали ожесточенные споры между немногочи-

сленными сторонниками перестройки и обычными работягами: «Засунь свою конверсию в одно место! Ее болтуны придумали, которые ничего не понимают в производстве. Легко сказать: выпускайте вместо пушек товары народного потребления! А как ты это на практике видишь? Как ты на расточном станке будешь сковородки выштамповывать? Афера эта конверсия, по-другому не назовешь!»

Местом тройного убийства был второй подъезд давно не отремонтированного пятиэтажного дома. На крыльце и у подъездных лавочек нас ожидали сотрудники районного отдела милиции, немного в стороне от них стоял кинолог с безучастной ко всему служебно-разыскной собакой, немецкой овчаркой.

— Что, дружище, — обратился я к кинологу, — опять никого не нашли? Лужи, грязь, собака след не берет? Ни разу не помню, чтобы от ваших ищеек толк был.

Проводник служебно-разыскной собаки, молодой, недавно вернувшийся из армии парень, заступился за овчарку:

— А куда тут идти, если преступники у самого подъезда сели в поджидавший их автомобиль?

Мы с Айдаром переглянулись. Начало было насто-раживающим. Если преступники не подготовились к скрытному отходу, то это действовали или взбесившиеся отморозки, поступки которых непредсказуемы, или дилетанты, высчитать логику которых так же непросто.

Из подъезда к нам вышел начальник уголовного розыска Машиностроительного РОВД Вячеслав Сергиец. Я знал его с начала восьмидесятых годов, когда

мы вместе работали в милиции Заводского района. Оперативником Сергиец был отменным, и если бы не его постоянные залеты с выпивкой и рукоприкладством, был бы Слава большим начальником, а так, к сорока трем годам, он все еще не продвинулся дальше районного звена.

— Привет городскому начальству! — крепко пожал мне руку Сергиец. — Быстро вы примчались, как будто за углом стояли. Пойдем, перекинемся парой слов.

Мы отошли на детскую площадку напротив дома.

— Кто-то живой остался? — кивнул я в сторону отъезжающей «Скорой помощи».

— Когда налетчики ворвались в квартиру, в ней была девчонка лет двенадцати. Как я понял со слов врача, в нее один из бандитов выстрелил из пистолета, но у него произошла осечка. Андрей, наплюй на девку! Врачи ее транквилизаторами обколют, она в себя придет и все расскажет. Тут не в этом суть! Здесь какая-то чертовщина творится. Я ничего подобного в своей жизни еще не видел. Ты знаешь, кого тут заваляли?

— Надеюсь, не продюсера группы «Мираж»? — мягко сыронизировал я.

— А что он плохого сделал? — искренне удивился Сергиец.

— Собрал деньги за концерт, а накануне выступления сгреб своих певичек в охапку и отбыл в неизвестном направлении. Областники стали трясти Госконцерт, а там отвечают, что московская группа «Мираж» в Сибири в этом году выступать не планировала. До сих пор никто не поймет, что за чувихи на афишах по всему городу расклеены.

— Нынешние певички все на одно лицо — поменьше местами, разницы никто не заметит.

— Слава, хрен с ними, с певичками. Ты разобрался с преступлением? Кто потерпевшие?

Сергиец, прищурившись, задумчиво посмотрел на гаражи, заполнившие пространство между школьным забором и трансформаторной будкой, неспешно достал из внутреннего кармана куртки мятую пачку «Примы», закурил.

— Слава, — подстегнул я коллегу, — ты не Станиславский, паузу не выдерживай.

— Налет был совершен на квартиру гражданки Желомкиной.

— Мать его! — с досады я сплюнул под ноги. — Да лучше бы всю группу «Мираж» в этих гаражах расстреляли, проблем бы меньше было. Слава, ты не ошибся, Веронику Гавриловну завалили?

— Ее, родимую. Сходи, сам посмотри. Она на кухне вся изрезанная лежит.

— Ушам своим не верю! Не родился еще на свете псих, чтобы на Шахию руку поднять. За Веронику Гавриловну братва без базара голову от туловища отделит. Кого еще убили?

— Племянника и соседку по подъезду. Соседку случайно грохнули. Она приоткрыла дверь, чтобы посмотреть, что этажом выше происходит, и схлопотала пулю в лоб.

— Ну и дела! — развел я руками.

— Это еще не все. — Сергиец чиркнул спичкой, прикурил. — Тут, на детской площадке, с самого утра местные алкаши кучковались, ждали, когда винно-водочный магазин откроют. К обеду они набрали

денег, похмелились, стали промышлять на новый пузырь, трое пошли в гаражи поискать пустые бутылки, а один, по фамилии Грачев, остался на лавочке. У него ноги больные, с палочкой ходит. Я знаю этого Грачева, лет пять назад он у нас по краже проходил, год отсидел и вернулся. Короче, Грачев божится, что за рулем «Жигулей», на которых приехали налетчики, был адвокат Машковцов.

— Откуда он его знает? — усомнился я.

— Машковцов был у него защитником на суде. Это еще не все. Я позвонил знакомым, они подтверждают, что у Машковцова в личном пользовании был автомобиль «ВАЗ-2105» вишневого цвета. На точно таком же автомобиле налетчики приехали на дело.

— Где Грачев?

— Он слегка пьяненький. Я велел его в отдел отвезти. Посидит в клетке, протрезвеет, к вечеру продолжим беседу.

— Слава, пока областные боссы не приехали, обрисуй в двух словах, что удалось установить?

Сергиец щелчком отправил окурок в гаражи, тыльной стороной кисти отер уголки губ.

— В половине четвертого к подъезду подъехала «пятерка» вишневого цвета. Адвокат Машковцов остался за рулем, а двое его пассажиров, парни лет двадцати пяти, вошли в дом. Вернулись назад минут через десять, у одного в руках была большая спортивная сумка. Убитых трое: любопытная старушка, Шахиня и ее племянник. Денег в квартире нет. Обрез налетчики оставили на месте преступления.

Пообщавшись с местными операми, к нам подошел Далайханов.

— Я все правильно понял: у нас Шахиню завалили? — спросил он.

— Ее, голубушку, — саркастически усмехнулся Сергиец. — Прикинь, с утра была жива-здоровая, а сейчас в луже крови лежит.

— Офигеть! — Айдар сделал вид, что не услышал неуместную колкость. — Как я понимаю, денег в хате нет? Во дела! На какие шиши теперь Лучика хоронить будут?

— Он что, совсем плох? — спросил у меня Сергиец.

— При смерти. Муха ему уже место на Центральном кладбище приготовил и кусок мрамора для памятника заказал... Западло, конечно, конкретное — единственный вор в законе готовится предстать перед Создателем, а деньги на его похороны какие-то проходимцы свистнули.

— За воров не переживай, деньги они найдут. — Сергиец закурил новую сигарету, но поперхнулся дымом и отбросил ее в сторону.

— Я послал людей к адвокату, — продолжил он. — Чем черт не шутит, может быть, и вправду это он налет на Шахиню организовал.

— Слава, адвокат не мог не знать, что Шахиня являлась хранительницей воровского общака. Кто поднял на нее руку — тот покойник, а кто посмел прикоснуться к общаковским деньгам — тот покойник трижды и четырежды. Ни один человек в здравом рассудке на убийство хранительницы общака не пойдет.

— Кто-то же пошел, — логично возразил Сергиец.

— Не будем зря терять время, — предложил я. — Пока сюда не слетелись все, кому делать нечего, да-

вайте начнем работать. К приезду областников мы должны четко представлять, чем занималась Шахиня в последние минуты жизни и как действовали преступники.

Глава 2

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Мы — я, Айдар и Сергиец — гуськом вошли в подъезд, где жила Вероника Гавриловна Желомкина. Дверь в одну из квартир на первом этаже была открыта, в прихожей виднелись следы крови. Из глубины квартиры раздавались мужские голоса. Я решил зайти внутрь, посмотреть, кто из следователей прокуратуры приехал на осмотр места происшествия.

В зале у распростертого на полу трупа пожилой женщины на табуретках сидели двое мужчин: следователь прокуратуры Хомутов и незнакомый судебно-медицинский эксперт. Покуривая сигарету с фильтром, эксперт диктовал: «Подвижность конечностей сохранена. Кожные покровы чистые, на ощупь теплые».

— Привет! — Я за руку поздоровался со следователем и экспертом. — Решили начать с первого этажа? Трупы на втором еще не осматривали?

— Мельком глянул, — ответил эксперт. — Тебя кто из них интересует? Женщина? У нее пять проникающих ножевых ранений: два в живот, два в грудь и одно, полосовидное, в шею. Навскидку дело было так: женщина открыла дверь и получила два удара ножом в живот, но осталась на ногах и попыталась закрыть дверь. Преступники оттолкнули ее и ворвались в квартиру. Следующие два ранения она получила в грудь. Убийца

метил в сердце, но оба раза взял ниже, и клинок ножа до сердца не достал, жировая ткань правой груди сработала как буфер. Последний удар пришелся в шею. Женщина умерла на кухне от обильной кровопотери. Из всех ранений смертельное только одно, в области сонной артерии.

— Сколько она прожила после ранений?

— Минут пять-шесть, не больше.

— Ого! Забавная ситуация: Шахиня истекает кровью на кухне, а в это время налетчики шарят по квартире. Интересно, она могла им пару слов сказать?

— Исключено, — заверил эксперт. — Рана на шее у потерпевшей глубокая, кровь из нее шла ровным стабильным потоком. Обычно такое состояние сопровождается рефлекторными действиями травмированного лица — он пытается ладонью зажать рану и остановить кровь. Но все усилия напрасны. Кровь идет, потерпевший впадает в неконтролируемую панику, хрипит, слабеет и теряет сознание. На этом активная фаза, когда человек способен членораздельно говорить, закончена. На все про все — не больше двух минут.

— Так-с. — Я наклонился к телу пожилой женщины, осмотрел рану на лбу.

— Мелкашка, — тоном знатока прокомментировал ранение следователь. — Убойная сила была невелика — пуля осталась в голове.

Оставив следователя и судмедэксперта трудиться над составлением протокола осмотра трупа, мы поднялись на второй этаж. Двухкомнатная квартира Вероники Гавриловны была с левой стороны лестничной площадки. На стене, ведущей от дверей

Желомкиной вверх, кто-то выцарапал на известке крупными печатными буквами «Батон козел». В ответном послании, написанном фломастером ниже, Батон написал всего три слова, два из которых были нецензурными.

— Велик и могуч русский язык, — сказал Далайханов, показывая на стену. — Вся экспозиция в одном предложении. Тут тебе и пожелание заняться извращенным сексом, и краткая характеристика личности обидчика, и даже запятая поставлена в нужном месте!

Сергиец взглянул на переписку:

— Эти надписи — верный признак того, что в подъезде живет как минимум один подросток, к которому в гости ходят его ровесники.

— Коллеги, обобщая ваши исследования наскальной живописи, хочу высказать свое мнение: в этом подъезде давно не было ремонта, а жильцам его наплевать, как выглядят места общего пользования.

— Логично, — согласились со мной Далайханов и Сергиец.

Пустопорожние разговоры перед началом работы на месте убийства — это своеобразный ритуал, которым оперативники отсекают мир живых людей от безмолвного царства мертвых. Сколько бы убитых ни видел опер на своем веку, как бы с годами ни зачерствело его сердце, но каждая новая смерть — это стресс, а болтовня на отвлекающие темы — защита от чужой всепроникающей боли.

В узкой прихожей квартиры Желомкиной все было забрызгано кровью, одежная вешалка сдернута со стены, обувная стойка перевернута.

— Да тут целый бой шел! — воскликнул Айдар. — Крепко Шахиня за свою жизнь цеплялась.

Из комнаты, которая по замыслу проектировщиков была залом, к нам вышел участковый инспектор милиции, лейтенант лет двадцати восьми.

— Ты знал, кто здесь жил? — спросил я.

— Нет, — ответил он тоном человека, не чувствующего за собой никакой вины. — Я совсем недавно на этом участке. Жильца с пятого этажа знаю. Выезжал к нему на семейный скандал. На эту квартиру жалоб в опорный пункт не поступало.

— Андрей, почему здесь пол деревянный? — встрял в разговор Далайханов. — В обычных пятиэтажках деревянный пол должен быть только на первом и пятом этажах, на остальных стелют линолеум.

— Этот дом построили в микрорайоне самым первым, — пояснил Сергиец. — Старая серия, здесь даже встроенная кладовка нестандартная.

— Давно тут Желомкина жила? — спросил я.

Участковый глянул в свои записи:

— Почти шесть лет.

— Как раз после второй отсидки заехала, — проявил знакомство с биографией потерпевшей Сергиец.

— Она была судима? — как-то неохотно уточнил участковый.

— Два раза, — ответил я. — И оба раза за нож. Имела покойница обычай своих сожителей насмерть резать. Лейтенант, у тебя не написано, чья это квартира была изначально? Не Желомкиной же? Ей, дай бог памяти, сорок девять лет, два раза по восемь отсидела — на отдельную квартиру ей зарабатывать некогда было.

— Будем выяснять, — открестился от назойливых вопросов участковый.

Мы прошли на кухню. Шахиня лежала на спине, руки вдоль туловища. При первичном осмотре судмедэксперт расстегнул халат у нее на груди и оставил его едва запахнутым, так что мы могли видеть фрагмент обвисшей женской груди, покрытый жировыми складками живот и темного цвета плавки, порванные у резинки. Халат, плавки и тело потерпевшей были обильно залиты кровью.

На вид Веронике Гавриловне было лет шестьдесят, не меньше. Годы, проведенные в зоне, преждевременно состарили ее, но в то же время закалили характер Шахини. Властные складки вокруг тонких старческих губ свидетельствовали, что эта женщина умела постоять за себя и была скоро на расправу. Убийцам пришлось немало помахать ножом, пока Шахиня, обесилев, не свалилась на пол.

— Зловредная была тетя, — сказал Айдар, показывая на кривую ухмылку, исказившую лицо потерпевшей в момент смерти.

Я закурил, пробежался взглядом по интерьеру кухни.

Под раковиной стояло наполовину полное мусорное ведро, не прикрытое крышкой. Сверху в нем лежали картофельные очистки, смятая газета, вскрытая консервная банка. Водопроводные краны раковины были объединены воедино самодельным смесителем, на днище раковины — следы ржавчины. Между кухонным столом, покрытым порезанной во многих местах клеенкой, и наружной стеной разместилась целая батарея пустых винных бутылок. В посудном

шкафу дверцы просели, одна из ручек была сломана. Холодильник «Бирюса» стоял в углу кухни. В нашем присутствии он перестал рычать, задергался в смертельной агонии и стих, словно умер вслед за своей хозяйкой.

— Убого здесь, как в бичевнике, — вполголоса сказал Айдар. — Я думал, хранительница общака должна жить покруче.

Я усмехнулся:

— Она была *хранительницей* общака, а не его распорядителем. Сейф, в котором хранятся драгоценности, не обязан сверкать свежим лаком. Он должен быть прочным и надежным, а вот с этим у ребят возникли проблемы. Кто-то их сейф ломанул.

— Странное дело, — продолжил Айдар, — у нее наколок нет. Шестнадцать лет в зоне, и ни одной отменки.

— На правое плечо посмотри, — предложил Сергеец.

Далайханов стянул отворот халата вниз. На правой руке Желомкиной красовался крестообразный шрам, расплывшийся от времени.

— Круто? — насмешливо спросил начальник Машиностроительного ОУР. — Это она во время первой отсидки раскаленным прутом выжгла. Как гласит легенда, после добровольного крещения раскаленным добела железом весь барак стал ее панически бояться. Представь, ей всего двадцать четыре года, в зону заехала за убийство и сразу же всем показала, что жизнь человеческую, ни свою, ни чужую, ни в грош не ставит. Шахиня! Повелительница слабых душ и тел!

— Слава, — прервал я коллегу, — тот, кто ее резал, должен быть весь в крови.

— Ну и что с того? У них машина у подъезда стояла. Приедет домой, переоденется. Или ты на ГАИ намекаешь, могли по дороге тормознуть, а там окровавленный пассажир сидит?

— Я не о том. Смотри сам: два удара в живот — у нападавшего гарантированно брюки в крови. Еще три удара, и он весь в крови, с головы до ног. Все в брызгах: руки, лицо, куртка. После такого кровопролития он так салон в поджидавшем автомобиле перепачкает, что никаким стиральным порошком не отмоешь. Отсюда мораль — машина у них была левая, одноразовая, скорее всего, угнанная.

— Андрей, да после убийства Шахини им все равно в городе не жить. Если нападение на нее организовал адвокат, то ему по-любому пришлось бы подаваться в бега, а на машине далеко не уедешь: не менты, так бандиты вычислят.

— Ты опять не уловил мою мысль. Адвокат — человек опытный, он знает, сколько крови будет на человеке с ножом, а значит, он изначально жертвует автомобилем. Своим или чужим, без разницы. Заляпанный кровью автомобиль — это голимое палево, передвигаться на нем по городу нельзя. После нападения прошло больше часа. Даю гарантию, они уже скинули «Жигули», и если хорошо поискать, то можно найти эту «жигу» где-нибудь в городе.

— Машину могли поставить в съемный гараж, и теперь ты ее долго искать будешь.

— Переодеваться убийца тоже в гараже будет?

— Ведро воды, свежая одежда, и привет! Бери билет на поезд до Сочи и жди встречи с теплым ласковым морем.

— Они могли в салоне клеенку на сиденья постелить, — предположил Айдар.

— Не пойдет, — возразил я. — Преступники сядут в автомобиль впопыхах, тут никакой целлофан не поможет, где-то да мазнешь кровью. Я считаю, что сейчас надо искать автомобиль, а уж от него выстраивать цепочку к убийцам.

— Андрей, чего ты привязался к этим «Жигулям»? — возмутился Сергиец. — Скинут они тачку, и что с того?

— Тогда вернемся к началу разговора, — продолжал упорствовать я. — На кой хрен адвокату свою «пятерку» палить, если на один раз машину просто угнать можно?

Со стороны могло показаться, что я и Сергиец играем в «глухой телефон» — он говорит одно, я — другое, и вместе мы не слушаем друг друга. Но Айдар, не вмешивавшийся в наш спор, быстро вычленил из него здоровое зерно. Тезис-антитезис-синтез. Далайханов синтезировал мысль, витающую в воздухе, в здоровое предположение:

— Я вам вот что скажу, мужики. Давайте предположим, что был у нас адвокат, который решил круто поменять свою жизнь. Он нашел двух отморожков и организовал налет на Желомкину. После убийства отвез их в гараж и убил обоих. Переделался, изменил, как мог, внешность и — на вокзал! А можно на автобусе доехать до Новосибирска и пуститься в путешествие по Транссибу. Хочешь, на юг мотай, а хочешь — на

Дальний Восток. Весь мир у тебя в кармане! Денег с собой — полная сумка, в любой точке Союза можно осесть и новую жизнь начать.

— И что с того, что он грохнул подельников? — не уловив нового поворота событий, спросил Сергиец. — Ты кого предлагаешь в первую очередь искать: людей или машину?

— Кончай диспут, пошли в зал! — приказал я.

Я и Сергиец вышли из кухни первыми, а участковый на выходе остановил Далайханова и тихо спросил:

— Так кого убили-то?

— Хранительницу воровского общака.

— А кто она такая?

— Идиот, — обругал его Айдар. — Газеты перед сном читай, может, немного умнее станешь. Сейчас даже первоклашки про общак знают, а ты — ни в зуб ногой. Иди в медвытрезвитель работать, там служба попроще — шмонай пьяных да выходи на службу сутки через трое.

Гостиная квартиры Желомкиной была обставлена как спальня, а смежная с ней, тупиковая, комната была залом. В гостиной-спальне вместо дивана стояла двуспальная кровать, в углу, у выхода на балкон, на тумбочке с растрескавшейся полировкой, красовался новенький японский телевизор. Судя по расположению подушек и вышарканной побелке, Шахиня любила просматривать телепередачи лежа на кровати. Вторая кровать, узкая односпальная, была аккуратно заправлена. Рядом с ней стоял стул, на спинке которого висели хлопчатобумажные колготки с вытянутыми коленками, поверх них — атласный пионерский гал-

стук. Остальную одежду вернувшаяся из школы девочка убрала в шкаф.

На стене, над кроватью девчонки, был приклеен липкой лентой плакат фальшивой группы «Мираж» — две длинноногие девушки в коротких юбках, волосатый клавишник и два гитариста. Девушки с плаката весело улыбались, мол, ловко мы обули вас, граждане?

Во второй комнате, рядом с входом, лежал труп парня неопределенного возраста. Как у всех пьющих людей, лицо его было отечным, испещренным рано появившимися морщинами. Племянник хранительницы общака был убит выстрелом с близкого расстояния. Кучный заряд картечи оставил в его грудной клетке входное отверстие размером с детский кулак. Смерть племянника была мгновенной и безболезненной.

Само орудие убийства, обрез одноствольного охотничьего ружья, валялось в правом углу комнаты.

Я сделал шаг вперед, прикинул, как было дело.

Услышав шум в прихожей, племянник бросился в зал. Убийца опередил его, вскинул обрез и выстрелил. Второй раз, по девчонке, он стрелять не стал, а отбросил обрез в сторону. Почему он так странно действовал? Пока неясно. Возможно, у него был всего один патрон, а может быть, он просто не хотел упускать время на перезарядку оружия. Что дальше? Судя по словам девчонки, этот же преступник стреляет в нее из какого-то другого оружия, скорее всего, из того мелкокалиберного пистолета, из которого они при отступлении убили старушку на первом этаже. Но все это только предположения. Пока понятно только одно — после единственного выстрела из обреза пре-

ступник выбрасывает его. Обрез, как и автомобиль, был в налете вещью одноразовой.

Я обошел труп, остановился на середине комнаты. Стоявший за моей спиной Сергиец, независимо от меня, предположил:

— В момент нападения племянник лежал здесь, на диване. Услышав вопли Желомкиной, он вскочил, бросился на помощь, но наткнулся на бандита с обрезом. Где, интересно, в этот момент была девчонка?

Его вопрос остался без ответа. Лично я даже предположения не стал строить, где стояла или сидела девочка в момент нападения. Комната, где убили племянника Шахини, была просторной и вытянутой в длину. Здесь не одна девчонка, здесь пять школьниц встанут на расстоянии метра друг от друга, и еще на пару человек места хватит.

Диван, на котором лежал племянник, имел выпуклое днище. Обычно в этой нише хозяева хранят постельное белье для того, кто спит на диване.

Я приподнял сиденье дивана. Ниша была пуста. Айдар распахнул дверцы платяного шкафа, к ногам его вывалилась подушка в засаленной наволочке.

— Похоже, — я вернул диван в исходное положение, — племянничек спал на общаке. Здесь, в этой диванной нише, воры и хранили сумку с деньгами.

— Смотри, Андрей, остатки былой роскоши. — Сергиец показал на книжный стеллаж, одну из полок которого занимали фарфоровые фигурки.

— Что читал покойный?

Я пробежался по книжным полкам. Приключения, фантастика, два исторических романа, прода-

вавшихся исключительно в обмен на макулатуру. Томик стихов Есенина, книга Шолохова «Поднятая целина», материалы XXV съезда КПСС, школьные учебники за пятый класс. На стене, рядом со стеллажом, изоляцией синего цвета был прикреплен большой плакат — Арнольд Шварценеггер в образе Конана-варвара. Между стеллажом и наружной стеной стоял черно-белый телевизор на длинных ножках. Сверху телевизор был накрыт льняным полотенцем.

«Девчонка мечтала стать популярной певицей, а племянник Шахини мнил себя героем фантастических боевиков. Каждому свое, у каждого свой кумир для подражания. Но если у девчонки все еще было впереди, то племянничек явно упустил шанс накачать могучие мышцы. Дешевое вино — это не анаболики, портвейном мышечную массу не нарастишь».

— Андрей, подойди сюда, — попросил Айдар.

Он стоял у письменного стола, на котором были разложены учебники и тетрадки.

— Смотри. — Далайханов показал на раскрытую тетрадь в клеточку. — Девчонка в момент налета делала уроки по математике. Она начала решать задание и бросила на полдороге.

— Аккуратная девочка, — заметил я. — Она резко вскочила, но стул не перевернула.

Я закрыл тетрадку, прочитал на обложке: Кислицына Лена.

— Слава, у племянника Шахини как фамилия была?

— Желомкин. Он сын ее брата.

— Черт возьми, а девчонка-то тогда кто такая?

И участковый, и Сергиец пожали плечами — понятия не имеем.

Я открыл ящик письменного стола, порылся в нем и нашел то, что искал, — песенник. Толстая общая тетрадь, украшенная цветочной аппликацией и нарисованными от руки котятами. На внутренней стороне обложки тетради красивым девичьим почерком было выведено: «Песенник Лены К. Только для друзей».

— Чего нашел? — заглянул ко мне через плечо Сергиец. — У моей дочки такой же есть.

— У всех девочек в этом возрасте есть песенник — душа и сердце любой школьницы, хранилище сокровенных тайн и любовных мечтаний.

Я вышел на середину комнаты.

— Итак, господа, что мы имеем? Ваши версии, догадки, предположения?

Сергиец вышел в зал, вытянув вперед руку, вернулся.

— Бах! — Он изобразил выстрел. — Племянник Шахани падает. Девчонка вскочила из-за стола и бросилась в угол к стеллажу. От стола бежать ей больше некуда. Преступник отбрасывает обрез, достает пистолет и стреляет в девчонку. Осечка! Он решает не добивать ее, а идет к дивану, в котором хранится сумка с деньгами.

— Позволю предположить, — сказал Айдар, — что девчонка упала в обморок, вот он и не стал больше с ней возиться. Следов ее падения нет, но она могла плавно опуститься на колени, а потом уже распластаться на полу.

— Отлично! — согласился я с коллегами. — Вся обстановка в комнате говорит о том, что в ней ничего не

искали: все вещи на месте, не разбросаны, дверцы в кладовку и одежный шкаф закрыты. Отсюда мораль: преступники совершенно точно знали, где у Шахины хранится общак. Они действовали в одно касание — пришел, увидел, победил.

— А еще они точно знали, — дополнил Сергиец, — сколько человек находится в квартире и кто они такие.

— Шахиня сама открыла дверь, — продолжил я. — Первый из нападавших был ей знаком, она не боялась его.

— Она его не боялась, а он пришел ее убивать, — подвел итог нашей реконструкции событий Айдар.

В прихожей громко хлопнула входная дверь, раздался шум, слышались властные голоса. Судя по шагам, большая часть приехавших пошла на кухню — посмотреть на убитую Шахиню, а один человек, не останавливаясь, сразу прошел к нам. Это был начальник уголовного розыска городского УВД Малышев.

— Ничего не нашли? — спросил он. — Я так и думал. Не для того налетчики на убийство Желомкиной пошли, чтобы общак на месте оставить.

Я отвернулся к окну, незаметно для всех сунул пенник за пояс. Пригодится!

— Андрей Николаевич, ты чего там увидел? — спросил раздраженно Малышев. — Хватит в окно глазеть! Поезжай в управление, бери Ключникова и садись за аналитическую справку. Примерная картина преступления тебе ясна? Чтобы к вечеру справка была у меня на столе!

— Николай Алексеевич, а вечер у нас во сколько наступает?

— Часам к восьми сделай. До восьми я смогу держать оборону, а там придется на вопросы отвечать... Слава, Сергиец, сгребай всех своих людей — и давай на поквартирный обход. Если кого не застанете дома, выведите отдельную справку, завтра участковых пошлем. Айдар, останешься со мной. Да, еще, Андрей Николаевич! Вернется Клементьев, пусть собирает всех свободных оперов — и на отработку территории. Всех сюда, всех! Нынче здесь работы привалило — непочатый край. До утра не разгребем.

На выходе из подъезда я столкнулся с прокурором города Воловским. Мы сухо поздоровались и разошлись, каждый своим путем.

Глава 3

МЕМОРАНДУМ

Работать над составлением справки-меморандума я и оперуполномоченный Ключников сели в моем кабинете. На Веронику Желомкину у Ключникова оказалось всего две карточки.

— Ничего не понимаю, — сказал я, повертев одну из карточек в руках. — Она — хранительница воровского общака, а на нее в наших учетах почти ничего нет?

— Андрей Николаевич, давай разберемся, что и как.

Ключников сел напротив меня, поправил на носу очки в тонкой оправе.

— Кто такая хранительница общака? Да никто по большому счету. Она не имеет никакого права при-

касаться к общаковским деньгам. Она даже не имеет права расстегнуть сумку с деньгами. Ее дело — содержать общак в целостности и сохранности. Хранительница общака не принимает никаких финансово-управленческих решений в отношении хранящихся у нее денег. Как я помню, у тебя по оперативным учетам числится содержатель конспиративной квартиры. Ты же не посвящаешь его в свои оперативные дела. Содержатель конспиративной квартиры даже не знает, с кем ты встречаешься у него дома. Тут то же самое. Не дело Желомкиной знать, что хранится в сумке у нее дома. Ее прямая обязанность — в любое время суток у себя дома представить распорядителю общака возможность пополнить кассу или изъять из нее требуемую сумму денег. На этом — все!

— Кто сейчас распорядитель общака? — уточнил я.

— Ключар, он же, по паспорту, Самуил Иосифович Кац.

— Еврей, что ли?

— У воров нет национальностей.

— Я много слышал о Желомкиной и думал, что она более видная фигура в преступном мире. Так, в порядке консультации, давай-ка пробежимся по общаку. Кто его пополняет?

— Все до единого представители преступного мира. Каждый вор, бандит или мошенник обязан ежемесячно делать взнос в общую кассу. Уважительной причиной не пополнять общак считается полное отсутствие денег.

— Сейчас власть в преступном мире фактически принадлежит Почемучке. Он имеет право изъять из

общака некую сумму денег и распорядиться ею по своему усмотрению?

— Нет. Общак — это общие деньги, а не личный кошелек лидеров преступного мира. Чтобы принять решение об оплате неких услуг из общака, Почемучка должен собрать сходняк из уважаемых авторитетов преступного мира. Бесспорно, если он предложит выделить десять тысяч на подкуп нужного чиновника, то возражать никто не будет. Даже интересоваться, зачем нужно подкупать этого чиновника, никто не станет, но обычай должен быть соблюден. Андрей Николаевич, Ключар по личному указанию Почемучки деньги из общака брать не станет. Он головой отвечает за них.

— Вернемся к Шахине.

— Шахиня, она же, по паспорту, Вероника Гавриловна Желомкина, тысяча девятьсот сорокового года рождения, уроженка города Искитим Новосибирской области. У меня записи в отношении нее начинаются с тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года.

— Примечательный год: Брежнев пришел к власти, Желомкина начала действовать.

— В тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году Вероника Желомкина, в возрасте двадцати четырех лет, зарезала своего сожителя. Причина конфликта — ревность. В карточке по ее учету ничего не сказано, кто кого приревновал. Наверное, Желомкина своего хахалю с бабой застукала. За убийство на почве личных неприязненных отношений она была осуждена по статье 103 УК РСФСР к восьми годам лишения свободы. Срок отбыла от звонка до звонка. При освобождении поменяла имя на Вероника.

— В смысле, поменяла?

— При рождении ей дали имя Вера, но она всегда себя называла Вероникой. Отбыв срок, она попросила начальника колонии изменить ее имя в документах с Веры на Веронику.

— И что дальше?

— По выходу из колонии Желомкиной выдали на руки справку об освобождении, где ее имя было записано как Вероника. На основании этой справки она получила паспорт и официально стала Вероникой.

— А если бы начальник колонии ее Прасковьей записал или Акулиной?

— Была бы Акулина. Здесь вот в чем суть, Андрей Николаевич. Как я думаю, начальник колонии и Желомкина имели между собой определенные договоренности: она не поднимала смуту, не мешала работе лагерной администрации, а он шел ей на уступки в мелочах. При освобождении Шахини в административно-учетной части колонии в ее личное дело вложили справку, что паспорт Желомкиной утерян, и выдали ей документы на имя Вероники. Тут ничего особенного нет. Жизнь за колючей проволокой имеет свои особенности.

— Давай дальше!

— Один момент! В тысяча девятьсот шестьдесят девятом году, во время отбытия наказания, Желомкина родила девочку. Ребенка у нее изъяли и поместили в дом малютки, а позже перевели в детский дом. О дочери Вероники Гавриловны у меня только одна пометка — она была убита во время пьяной драки в тысяча девятьсот восьмидесятом году.

— Никто не интересовался у Желомкиной, от кого она родила?

— Андрей Николаевич, рождение ребенка в женской колонии — это ЧП! Руководство колонии пойдет на все, чтобы замять инцидент.

— От кого она могла забеременеть?

— Скорее всего, от кого-нибудь из работников лагерной администрации родила. Причем родила целенаправленно. Ее ведь могли заставить аборт сделать.

— Пошутил, что ли? Она себе крест на плече каленым железом выжгла, кто бы ее к аборту принудил? Забавная сложилась бы ситуация, если бы она от самого начальника колонии родила.

— Все может быть. У меня есть фотография из ее личного дела тех лет. Показать?

Ключников вытащил из конверта черно-белую фотографию, протянул мне. Я посмотрел на оборотную сторону фотки. 1970 год. Желомкиной было уже тридцать лет, но выглядела она неплохо: приятные черты лица, волнистые темные волосы до плеч. Обычная женщина, по виду не скажешь, что опасная преступница.

— Александр Лукич, а как там, в зоне, мужики, зэчки...

— Я тебя понял, сейчас расскажу. Был у меня знакомый. Он раньше работал начальником штаба в женской колонии. Он говорит, что за все время службы ни к одной осужденной не прикоснулся, а мог бы каждый день женщин менять. Сам посудит, любой начальник в колонии может облегчить условия отбывания наказания. Например, вместо работы на промзоне назначить вечной дневальной по штабу. Посылки, свидания, новое нижнее белье. Все ведь от человека зависит. Если на-

чальник отряда похотливый малый, то все новенькие женщины через его кровать пройдут.

— Вернемся к Желомкиной.

— В тысяча девятьсот семьдесят пятом году, в возрасте тридцати пяти лет, Шахиня осуждена во второй раз. Срок — восемь лет, статья 108 УК РСФСР, часть вторая. Во время пьяной ссоры зарезала своего нового сожителя. Освободилась в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году. В тысяча девятьсот восемьдесят шестом году Ключар предложил ей стать хранительницей общака. С тех пор она нигде не работала, вела праздный образ жизни.

— В чьей квартире она жила?

— После освобождения она встретила с Лучиком. Похоже, что они были давно знакомы, и он обеспечил ее жильем.

— Блин, что у нас за страна! Вор в законе квартиры распределяет, сотрудники женских колоний свой личный гарем содержат...

Тут я на полуслове прикусил язык. Мне-то квартиру тоже левым путем сделали. Если бы не Валентина Павловна Журбина, ютился бы я в семейном общежитии до самой пенсии.

— Александр Лукич, в момент нападения в квартире Желомкиной находилась девочка двенадцати лет. Зовут ее Кислицына Лена. По всем признакам девчонка жила у Шахины и была членом ее семьи. О ней есть какие-либо сведения?

— Ничего нет. Племянник Желомкиной тебя интересуется? У меня на него отдельная карточка. Тут, правда, три строки. Племянник — это сын ее родного брата. Брат помер в местах лишения свободы, сам пле-

мянник судим за воровство. Освободился в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году и переехал к тетке на постоянное место жительства. В тысяча девятьсот восемьдесят шестом году получил вторую группу инвалидности.

— Как я понимаю, у племянника была хорошая работа — день-деньской валяйся на диване, сторожи сумку с деньгами. Справку об инвалидности ему тоже Лучик сделал?

— Конечно. Если бы не инвалидность, его надо было бы сажать за тунеядство. Он же после освобождения ни дня не работал.

— Желомкина была хранительницей общака на платной основе?

— Двести рублей в месяц ей и пятьдесят — на племянника.

— Хорошие деньги, а в хате, там, веришь, хаос и разруха. Ну, не совсем хаос, а так, ниже среднего. Единственная ценная вещь в квартире — японский телевизор. Еще надо отметить, что Шахиня на девчонку денег не жалела. Письменный стол у нее практически новый, в шкафу хорошие платица. Черт возьми, у хранительницы воровского общака в квартире живет неизвестная девочка, и никому нет дела, чей это ребенок!

— Сейчас выяснится, кто она такая.

— У тебя все? Оставляй все материалы, я сяду за текст меморандума.

— Малышев сказал, чтобы ты сам на печатной машинке не долбил, а шел к машинистке.

— Какая машинистка, ты на время посмотри! Она уже давно домой ушла.

— Николай Алексеевич велел ей быть на работе до тех пор, пока ты меморандум не составишь. Иди к Татьяне, будешь ей диктовать, а она будет печатать.

Я сгреб все бумаги и пошел к нашей машинистке Татьяне Кузнецовой.

Секретарь-машинистка уголовного розыска, допущенная к работе с секретными документами, имела в нашем управлении отдельный крохотный кабинет. Кузнецовой было двадцать шесть лет, из них она лет пять работала у нас. Татьяна была девушкой невысокого роста, с фигурой «песочные часы» — грудь четвертого размера, ярко выраженная талия, плавно переходящая в крутые бедра. Светлые волосы немного ниже плеч она закалывала за уши, что придавало ей вид провинциальной девушки-простушки. С мужчинами Татьяна была осторожна. Как-то Малышев на работе справлял свой день рождения. Улучив момент, я затащил Кузнецову к себе в кабинет, где стал пылко целовать ее, но не продвинулся дальше расстегнутой блузки. Словоохотливая после спиртного, Татьяна откровенно объяснила мне свои принципы: если у меня серьезные намерения, то она готова хоть завтра переехать ко мне домой, а если нет, то и начинать не стоит.

— Ты меня ждешь? — спросил я, войдя к Кузнецовой.

Машинистка обернулась.

— Андрей Николаевич, — обиженно сказала она, — где вы ходите, давайте работать! Если мы станем время тянуть, я только ночью до дому доберусь. Вы готовы?

— Погоди, что значит «готов»? Я же не автомат по производству меморандумов. Я живой человек, мне надо сосредоточиться, собраться с мыслями. Сегодня я полдня по трупам ходил, а ты хочешь, чтобы я сел рядом и начал диктовать, как Лев Толстой своей жене.

Я зашел Кузнецовой за спину, положил руки ей на плечи.

— Вставляй в машинку листок, печатай: «Совершенно секретно, экз. единств.».

Лист у Татьяны уже был вставлен. В два касания она отпечатала текст.

Мои ладони, прижимаясь к телу девушки, скользнули с ее плеч под блузку.

— Андрей Николаевич! — Она, не оборачиваясь, прижала мои ладони к себе. — Давайте не будем отвлекаться! Мне домой надо, а Малышев меня работой нагрузил.

— Вот и я про то. — Мои ладони скользнули ниже, под чашечки бюстгальтера. — Если мы будем отвлекаться, то к назначенному сроку не успеем... Невинный массаж поможет мне сосредоточиться. Таня, печатай дальше.

Выбор у машинистки был невелик: либо бороться с моими руками, либо печатать. Она выбрала меньшее из зол и застучала по клавиатуре. Так мы и работали: я, стоя у Татьяны за спиной, диктовал текст, она, не обращая внимания на мануальный массаж груди, печатала.

«По имеющимся у нас сведениям, преступников, совершивших нападение на квартиру гражданки Желомкиной В. Г., было трое. Они прибыли к дому потерпевшей на автомобиле «ВАЗ-2105» вишнево-

го цвета... Нападавшие были вооружены холодным и огнестрельным оружием. На месте происшествия был изъят обрез одноствольного охотничьего ружья... Дверь в квартиру нападавшим открыла сама потерпевшая, что позволяет сделать вывод о ее личном знакомстве с одним из бандитов».

Невинным приставанием к машинистке я ничего добиться не хотел. Как только меморандум будет готов, мне надо будет нести его к Малышеву. Пока я буду ходить туда-сюда, Татьяна сбежит домой. Спрашивается, зачем я приставал к девушке? Ответ: так же интереснее диктовать, чем сидеть рядом с ней, уткнувшись в бумаги.

«Внутренняя планировка квартиры гражданки Желомкиной соответствовала безопасному и конфиденциальному хранению денежных средств, собранных в общее пользование преступным миром нашей области. Когда распорядитель общака Ключар (Кац С. И.) приходил пополнить или изъять наличные средства, то он оставался с деньгами наедине в непроходной комнате, что исключало появление посторонних лиц в момент его работы с деньгами. Перенесение спальни в гостиную, судя по всему, было так же продиктовано мерами безопасности: и бодрствующая, и отдыхающая, Желомкина всегда могла контролировать перемещение людей к месту хранения общака».

Закончив печатать, Кузнецова встала, всем своим видом показывая, что она больше ни минуты не останется в управлении. Но я-то не спешил! Я обнял девушку, прижал к себе.

— Таня, давай один раз поцелуемся, и я пошел! — прошептал я.

— Андрей Николаевич! — Машинистка, защищая свою неприкосновенность, уперлась ладонями мне в грудь. — Забирайте бумаги и идите к Николаю Алексеевичу, он уже давно вас ждет.

— Таня, я сейчас вспомню, что надо допечатать три абзаца, и мы снова сядем за работу. Таня, один раз — и я пошел!

— Какой вы настырный, Андрей Николаевич!

Она убрала руки и позволила себя поцеловать. Теперь, с чувством выполненного долга, можно было идти к начальнику, отчитываться о проделанной работе.

Ознакомившись с меморандумом, Малышев запротестовал:

— А где здесь об адвокате Машковцове?

— А что я о нем буду писать? Что некий пьяница опознал в одном из налетчиков своего бывшего адвоката?

— Вот черт, ты же не знаешь последних известий! — Малышев глубоко вздохнул, посмотрел мне в глаза. — Адвокат Машковцов исчез. Вышел утром из дома на работу и пропал. В юридической консультации не появлялся, в суде сорвал уголовный процесс. Его автомобиль в гараже отсутствует.

— Обалдеть! Чудны дела твои, Господи! Неужели у нас адвокаты стали свои банды создавать? Тут что-то не так. Не мог адвокат засветиться на месте совершения преступления. Он же не дурак сам на дело идти. На своей машине. Без алиби.

— Как бы то ни было, Машковцов исчез. Обыск у него дома ничего не дал. В гараже также ничего противозаконного нет. Родственники клянутся и божатся,

что понятия не имеют, где их глава семейства может находиться.

— Я завтра поработаю со свидетелем Грачевым, уточню, по каким приметам он опознал Машковцова.

— Андрей Николаевич, я думаю, что завтра с тобой захотят встретиться наши «друзья». Ты от встречи не отказывайся. Со свидетелем и без тебя найдется кому поработать, а вот к Почемучке у нас, кроме тебя, выходов нет.

— Николай Алексеевич, раз на раз не приходится! Кто сказал, что они со мной на контакт выйдут? В прошлый раз Муха напустил мути с «Белой стрелой», и так совпало, что я был в теме. Сейчас разговор идет об общаке, а я к нему ни малейшего отношения не имею. Надеюсь, вы не предлагаете мне поехать на кладбище и поинтересоваться у Мухи, как мне с Почемучкой встретиться? Муха на меня за свою девчонку жабу таит, у меня с ним разговор не получится.

— Я тебя никуда не посылаю, но по городу уже пошла волна. Ты представляешь, какой удар по авторитету Почемучки нанесен? Где это видано, чтобы на воровской общак было совершено вооруженное нападение? Кто Почемучку короновать будет, если у него в области бардак? Представь, что Лучик сегодня помрет. На какие деньги они его хоронить будут? Со всей страны воры съедутся, а местная казна пуста. Позор на весь мир! При таких обстоятельствах Почемучка не побрезгует с нами в одну дуду дудеть. Я думаю, он предложит нам сотрудничество в плане обмена информацией. До сего дня, — Малышев, подчеркивая важность момента, постучал пальцем

по столу, — Почемучка выходил на контакт только с тобой. Сейчас он пойдет по проторенной дорожке. Он не меня и не Клементьева позовет на встречу, а тебя.

— Николай Алексеевич, я же не против встречи...

— Вот и хорошо! — перебил меня начальник. — Завтра будь на телефоне, жди, когда они на связь выйдут.

— Николай Алексеевич, вы помните о моей просьбе?

Уловив в моей интонации жесткую нотку, Малышев насторожился:

— Напомни, о чем ты просил?

— Завтра мне надо забрать дочку из детского сада и до воскресенья побыть с ней. У Натальи билеты на пятницу куплены, она уезжает черт знает куда, а дочь на меня оставляет.

— Как же все это не вовремя! — поморщился начальник.

— Николай Алексеевич, если бы не дочь, я бы ничего не стал просить. Но здесь ситуация патовая: я не отказываюсь от работы завтра вечером и в выходные, но и дочь бросить не смогу. Если Почемучка выйдет со мной на контакт, я с Ариной на встречу поеду.

— Оставишь ее в управлении, а сам поедешь. Что мы, женщину не найдем с ребенком посидеть? Я сам с ней посижу!

— Завтра вечером я забираю Арину из садика, — ультимативным тоном повторил я свои требования.

— Забирай. Я предупрежу начальника инспекции по делам несовершеннолетних, чтобы она на всякий случай держала одну сотрудницу в резерве, с твоей дочерью нянчиться.

— Надеюсь, что до этого не дойдет.

Глава 4

ПРОСЬБА

Новый, 1989 год я и Наталья собирались встретиться вместе, но в самый последний момент планы ее поменялись, и я оказался на улице, никому не нужный, трезвый и злой.

Тридцать первое декабря, половина десятого вечера. Знаковый день! Я чуть было не встретил наступающий Новый год один, в пустой квартире, без спиртного и достойной закуски. Но коварная синусоида была милостива ко мне, и в последний момент меня пригласил вместе встретить Новый год Евгений Ковалик, владелец кафе «Встреча».

Первое января я провел в обществе его дочери Альбины. Незабываемые часы! Альбина — это женщина-шампанское, это ежесекундный и ежеминутный праздник, фейерверк шкодливых идей и любовных утех.

Сразу же после Нового года Наталья как ни в чем не бывало предложила встретиться. Я отказался. Даже настойчивые просьбы проведать дочь на меня не подействовали. Я понимал, что по отношению к Арине веду себя неправильно, но Арина еще ребенок, и я, честно говоря, для нее никакой не папа, а некий дядя, изредка приходящий с подарками, а вот для Натальи я бывший возлюбленный, отец ее единственного ребенка.

Как я и думал, мой отказ уязвил Наталью до глубины души. Она, желая восстановить отношения, выждала время и обратилась ко мне с невинной просьбой

посидеть вечер с ребенком. Я подумал и согласился. Так, шаг за шагом, наши отношения вошли в прежнее русло, но былой искренности между нами уже не было. Я перестал доверять Наталье, но был на нее не в обиде: молодая симпатичная женщина, мать-одиночка, имеет право бороться за свое счастье любыми способами.

По-хорошему, мне и Наталье надо было бы сесть и выяснить отношения, расставить все точки над «і», но взаимное недоверие не давало нам сблизиться. И тогда Наталья прибегла к помощи посредника. В конце апреля к ней в гости приехала моя несостоявшаяся теща, ее мать Клавдия Алексеевна.

Между мной и тещей (про себя я называл мать Натальи именно так) всегда были прекрасные отношения, хотя она имела полное право ненавидеть меня. Подумать только: то с одной ее дочкой жил, то с другой и ни на одной не женился! Но Клавдия Алексеевна с самой первой нашей встречи относилась ко мне с пониманием и уважением.

Посидев немного за столом, Наталья собрала Арину и пошла с ней гулять. Я и теща остались вдвоем.

— Что, Клавдия Алексеевна, — с улыбкой обратился я к ней, — не может Наташа без вашей помощи со мной общий язык найти? Сама виновата. Я наши договоренности не нарушал.

— Рассказала она мне про ваш Новый год...

— И что она рассказала? Про меня или про то, что у нее с новым мужиком ничего не получилось?

— А чего это ты про мужика речь завел? — сделала бровки дугой теща. — Может, и не было никако-

го мужчины между вами. Обидела она тебя на Новый год, спору нет. Но, может, причина в другом была, а ты сразу — «мужик»!

— Клавдия Алексеевна, не в обиду будет сказано, я в городе родился, не в деревне. Я знаю, что к чему. Если женщина по линолеуму в собственной квартире ходит на каблуках, то это она мужика охмуряет, хочет красоткой перед ним предстать. Пойдемте в зал, посмотрим на пол, я там найду парочку отметин от каблуков.

— Да ладно тебе. Ну, был мужчина, и что?

— Вот и я про то! Она что, не могла мне все по-человечески объяснить? К чему весь этот туман? Я бы понял ее, если бы она меня про запас держала. Ищет она себе мужика, не получилось — ко мне вернулась. Но тут-то все не так! Мы же давно с ней решили и все обговорили — мы не будем жить вместе. Мы разные люди, мы — не пара. Неужели она не может мне все откровенно рассказать?

— А ты сам, что, не можешь поговорить с ней на эту тему? Зачем вы меня в ваши отношения впутываете? Ты мне претензии высказываешь, она на тебя жалуется, Марина — на мужа, Петя — на жену. Что за молодежь нынче пошла, все какого-то совета ищут. Веришь, у меня с Михаилом Ильичом тоже не все гладко было, но я никогда по поселку не бегала и на жизнь не жаловалась.

— Это я бегаю и жалуюсь? — начал злиться я.

— Остынь, Андрюша. Мне свой норов показывать не надо. Ты про Наташу плохо не думай.

— Клавдия Алексеевна, если Наталья на меня всякую напраслину возводит, то пускай это останется на

ее совести. Я к ней претензий не имею и зла на нее не таю. Я ведь понимаю, в каком она положении оказалась. Она ищет себе нового мужа, я ищу жену. Обычная житейская история, ничего в ней замысловатого нет. Если она завтра заявит, что нашла Арине нового отца, я восприму это как должное. Кстати, она еще никого не подыскала?

— Вроде нет. Она же, Андрюша, как в город переехала, так с шилом в заднице живет. То сюда прыгнет, то туда. Она же хочет все сразу: и мужа хорошего, и отца для Арины, и работу денежную. Был у нее на приеме мужчина, да что-то, видать, не срослось.

— Клавдия Алексеевна, вы скажите Наташе: надо — я ей всегда помогу. Найдет себе нового мужа — пусть будет счастлива с ним. Арина еще маленькая, она к новому отцу быстро привыкнет и будет его считать своим настоящим папой, а про меня со временем забудет.

— Жалко, что у вас ничего не получилось. — В глазах у тещи блеснули слезинки, но она быстро взяла себя в руки. — Михаил Ильич, Царствие ему небесное, только тебя своим зятем видел... Сидим мы как-то за столом, он говорит: «Укатила Марина в город, словно ее и не было в поселке. Так дела семейные не делаются. Поговорю-ка я с Андреем Николаевичем, пускай он на Наташе женится». А Наташа тут же сидит, рядышком. Глаза в пол опустила и молчит. Я ее потом спрашиваю: «Предложит тебе Андрей Николаевич замуж, пойдешь?» Она мне отвечает: «Не предложит — сама его к рукам приберу».

Клавдия Алексеевна глубоко вздохнула, грустно улыбнулась мне:

— Видишь, Андрюша, как получилось: не так и не так.

— Клавдия Алексеевна, я вам все сказал. Пускай Наташа хвостом не крутит, я ее в любой ситуации пойму.

Не прошло и недели, как Наталья позвонила мне и попросила в выходные посидеть с дочерью.

— Андрей, только ты можешь мне помочь. Посиди с Ариной.

— Когда?

— Мне надо девятнадцатого мая, в пятницу, уехать... до воскресенья.

— Чего-чего? Ты хочешь на все выходные мне Арину оставить? Наташа, у меня работа. Меня в любой момент могут вызвать. Вечер я посидеть смогу, а почти двое суток — нет.

— Андрей... — Слова, доносящиеся до меня по проводам, по пути замерзли и превратились в кусочки льда. Из телефонной трубки, как из открытой в лютый мороз форточки, повеяло арктическим холодом. — Андрей, объясни мне, что ты за человек? Ты говоришь маме, что всегда готов помочь мне, а как только я обратилась к тебе с просьбой, так ты тут же в кусты! Ты будь хозяином своему слову. Я тебя за язык не тянула.

— Наташа, ты не передергивай, — поставил я на место зарвавшуюся подругу. — Я помочь тебе не отказываюсь, и ты мне по телефону нравоучения не читай. Я Клавдии Алексеевне совершенно четко сказал, что если тебе надо... Тьфу, черт! Наташа, что ты воду мутишь? Ты что, не можешь мне по-человечески все объяснить?

— Что мне тебе объяснять? — дернулась Наталья. — Что я поеду в Новосибирск новую работу смотреть? Тебя это интересует?

— Давай дальше! — поощрил я. — Ты развеи мысль до конца, чтобы мне весь расклад стал понятен. С кем ты едешь? С новым кандидатом в мужья?

— А если и так, то что? Тебе-то какое до этого дело?

— Значит, так, — жестко и бескомпромиссно заявил я, — сейчас ты мне расскажешь всю подоплеку дела или я занят по службе и помочь тебе не смогу.

— Господи, зачем ты навязался на мою голову! Никого ни о чем попросить нельзя.

— Наташа, я слушаю, я весь внимание.

Мгновенно причитания сменились деловым тоном:

— Андрей, есть один мужчина, он ухаживает за мной, у него серьезные намерения. В Новосибирске у него друг работает в конструкторском бюро на авиационном заводе. Им нужен программист. Просто так они меня взять на работу не могут. Мне надо пройти тестирование и показать, что я не просто программист, а высококлассный специалист. Начальник отдела программного обеспечения согласен встретиться со мной в субботу. Теперь тебя все устраивает?

— Наташа, если они предложат тебе работу, ты переедешь в Новосибирск?

— Да я хоть к черту на рога согласна переехать! У нас НИИ все, не сегодня завтра сдохнет. Не нужна никому нынче оборонная промышленность. Ты,